

Александр ЛЮБИМОВ:

Вестб. - Калуга -
2002 - 29 марта - с. 4

«СВОБОДА СЛОВА - ОНА ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА»

Не так давно в рамках Всероссийской общественной организации работников СМИ «Медиасоюз» была создана гильдия радиожурналистов. На учредительном съезде присутствовали журналисты из различных регионов России, в том числе и из Калужской области. Предлагаем читателям «Вести» беседу журналиста Александра КРАВЧЕНКО с президентом «Медиасоюза» Александром ЛЮБИМОВЫМ.

- Что побудило вас создать «Медиасоюз»?

- В какой-то момент чувствуешь, что сейчас ты можешь реализовать себя в новом качестве. Мне кажется, что в стране настал момент, когда можно реализовать идею укрепления гражданского общества, создания неких общественных институтов, с которыми государство будет считаться. До этого основная задача любых общественных движений (к примеру, периода и Ельцина, и Горбачева) состояла в том, чтобы разрушать. У них был очень силен такой тезис. Я, будучи телеведущим, тоже, видимо, отношусь к этой плеяде людей.

Но после девяносто первого года меня всегда удивляло, что вроде бы уже все, всех врагов мы победили, можно начинать строить, считаться с интересами других людей. Однако общественная инерция, те события, которые были в 93-м году (когда мне пришлось публично с этой властью как-то разойтись), и война в Чечне не позволяли этого сделать. А строить - это, повторюсь, значит считаться с интересами других людей.

Да и вообще, с кем, собственно, мы боремся? Ведь некоторые журналисты (особенно это проявилось за последний год) почему-то считают, что борьба за собственность - это принципиально. Вообще ассоциируют себя очень сильно с владельца-

ми, хозяевами, менеджерами и называют это почему-то борьбой за свободу слова. Мне это просто непонятно, тем более когда общественные организации используются в такой борьбе как знамя. Мне это было всегда несимпатично. Получается, что от моего имени, от имени всех журналистов защищают, например, Гусинского - человека, который пару раз угрожал тем, что меня убьет, а уж по бизнесу человек очень сложный, с которым невозможно, по моему, вообще договориться.

- В выступлении на съезде вы сказали, что «мы строим свою малую родину, создавая «Медиасоюз». Что в этой «малой родине» вы мечтаете построить?

- У меня, наверное, мечты более амбициозные, чем у других членов «Медиасоюза» и тех, кто поверил в эту идею. Я думаю, что построит каждый себе свое, объединенное общими интересами. Я не стремлюсь к тому, чтобы мое чувство свободы, мое понимание этого процесса совпадало с мнением всех. Это не моя частная лавочка, это же общественная организация, и каждый строит ее для себя, строит свое состояние свободы, свой авторитет, свою репутацию и т.д.

Происходит сложный процесс духовного роста, понимания, что является предметом нашего бизнеса, вообще превращения журналистики как некоего месс-

сионерства в бизнес по мере того, как все больше и больше финансов в этой сфере начинает оседать. Это многолетний сложный процесс, и я не думаю, что мы все одинаково к этому относимся.

Я работаю в компании, где очень развит деловой компонент. Но большинство членов организации живут в городах и городках, где таких сумм, такого бизнеса пока нет. Будет, но где-то через 3, 5 или 10 лет. Обязательно будет. Но это не значит, что мы сейчас не можем найти общий язык. Все, что я с радостью делаю для коллег, используя те возможности, которые есть у меня, - лоббирование, опыт общения с достаточно жесткими людьми, пришедшими сегодня в политику (включая президента), с бизнесменами, - вот этим я могу быть интересен.

- А что вам могут дать регионы?

- Поддержка регионов очень важна. Чем больше региональных организаций, тем легче вести переговоры. К примеру, когда мы бьемся за понижение НДС или отмену налога с продаж или когда мы говорим, что федеральная конкурсная комиссия распределяет частоты для радио- и телестанций, вообще-то, кулуарно.

Если за тобой, твоей организацией стоит большой круг людей, то тогда государство, которое в этом смысле довольно слабое, будет вынуждено принимать твои аргументы. Нужно не угрожать, а сотрудничать с государством. Ошибка магнатов типа Березовского и Гусинского в том, что они попытались, имея большой ресурс, поставить государство на колени, попытались объявить ему ультиматум. Этого никогда нельзя делать, потому что мы можем не любить президента, но он президент. Мы можем его ненавидеть, но говорить об этом каждый день, используя свое служебное положение, или использовать свое личное недовольство для того, чтобы поменять политический

режим, - это коммунизм! Страна и так еле-еле входит в цивилизацию...

- Но Гусинского и Березовского коммунистами не назовешь.

- Тем не менее они абсолютные коммунисты в этом плане.

- Вы упоминали 91-й год и ваше участие в процессе разрушения той страны. В этом есть какая-то попытка покаяния или вы считаете, что все было сделано правильно, только теперь надо действовать по-другому?

- Я в этих вопросах стараюсь быть деликатным, потому что я не судья и, наверное, через 20, 30, 50 лет появится более или менее осмысленное суждение, которое примирит всех, объединит. Я участник этого процесса, в свое оправдание я нахожу у себя некоторую искренность, то есть у меня не было никогда никакого личного интереса. Я ничего не приватизировал, я никогда ничего у государства не взял. И до сих пор у меня ничего нет, кроме того, что я сам себе заработал. Но я не знаю, мог ли быть этот процесс менее болезненным. И, если бы я с вами сейчас говорил не для людей, которых я не знаю, я бы, может быть, сказал больше. Но мне кажется, свобода - это ответственность. А я не уверен, что я до конца прав, и не уверен, что меня правильно поймут.

Конечно, я бы сказал со всеми этими оговорками, что, если бы не умер Сахаров, если бы Афанасьев, Пальм, Попов, Ельцин не были такими эгоцентристами, если бы существовал хоть чуть-чуть более осмысленно, более организованно обустроенный круг людей, а не, к примеру, Бурбулис, возможно, все пошло бы по-другому. А может быть, и нет! Может быть, как раз эти люди, хорошо организовавшиеся, вообще бы узурпировали власть, сделали бы «чилийский» вариант, например, а в стране началась бы гражданская война. Возможно, что Ельцин, отдав регионы, часть страны на растерзание местным чиновникам... Может быть, это и было спасение.

- Это можно предполагать... А теперь вернемся еще раз к «Медиасоюзу». Один из лейтмотивов его создания - это известные строчки Булата Окуджавы: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Если так, то от чего нам надо сейчас защищаться, как вы думаете?

- Конечно, личность сильна организацией. Это до Окуджавы говорило огромное количество людей, и он это выразил блестяще строкой, которую вы сейчас процитировали. Журналист, руководитель средства массовой информации находится все время на острие общественных процессов потому, что его работа - это почувствовать, «пропонимать» происходящее и донести это до аудитории. Он человек, который все время на этом рынке идей и продает идеи. Чужие, свои - неважно. Иногда заблуждается, ошибается. Но в этом его работа. Такой человек, я думаю, в «Медиасоюзе» получает некоторое новое пространство свободы.

- Что вы хотите пожелать журналистам Калужской области?

- Я думаю, что надо определяться. Свобода слова - она внутри человека. Никто ее не даст. Ее нужно почувствовать, ею нужно каждый день заниматься, совершенствовать свое мастерство, учиться так формулировать свои мысли, чтобы это не раздражало и не унижало людей...

- Но и не усыпляло!

- Но и не усыпляло, очевидно. Делать это так точно, чтобы даже те люди, против кого этот огонь критики направлен, ничего не могли сказать против ваших аргументов. Это все, конечно, нелегко.

Мне было бы приятно, чтобы журналисты из Калуги, из других регионов пришли к нам с какой-то задачей, которую они хотели бы реализовать. Тогда я, мои товарищи могли бы им помочь теми ресурсами, которые есть у нас. Вот, пожалуй, так! Да и потом ГАИ с нашим удостоверением, если пьяным поедешь, ну, наверное, пару раз отпустит... (Смеется).

Свобода слова - это внутри человека

29.3.02